

НЕОЧЕВИДНОСТЬ КАК ШКАЛА ПЕРЕХОДНОСТИ: ВРЕМЯ ИЛИ НАКЛОНЕНИЕ?

на примере селькупского и коми языков

А. И. КУЗНЕЦОВА

Москва

Формирование любой грамматической категории – процесс длительный и трудно установимый. Это относится, в частности, к категориям времени и наклонения во многих уральских языках. Детальный анализ указанных категорий (особенно с семантической точки зрения) ведет к тому, что лавинообразно возрастает количество возможных выводов при увеличении трудности, почти невозможности сделать окончательный вывод из множества равновероятных. Складывается ситуация, которую в когнитологии обычно называют 'инференциальным или комбинаторным взрывом'. Возникает обширная область пересечения различных грамматических категорий, имеющих сходные значения. В дальнейшем будет рассмотрена зона переходности между категориями так называемого II прошедшего времени и эвиденциальностью в уральских языках, преимущественно на материале селькупского и коми языков¹.

В последнее время термин *эвиденциальность* является обозначением семантико-грамматической категории „засвидетельствованности, которая связана с детализацией степени полноты знания говорящего о передаваемой ситуации” (Усенкова 2002: 50). В 1950-е гг. Р. О. Якобсон вывел категорию засвидетельствованности (как и категорию таксиса) за пределы наклонения и времени, хотя пересечений с обеими категориями очень много. Р. О. Якобсон предлагал называть термином засвидетельствованность „глагольную категорию, учитывающую три факта (сообщаемый факт, факт сообщения и, кроме того, передаваемый факт сообщения..., то есть указываемый источник сведений о сообщаемом факте). Говорящий сообщает о событии, основываясь на сообщении какого-либо другого лица (цитативные, то есть от кого-то полученные сведения), на снах (сведения, полученные путем откровения), на догадках (предположительные сведения) или

¹ Материалы для данной статьи собирались в полевых условиях в ходе двух экспедиций, предпринятых в 2002 г. в с. Еремеево печорского диалекта коми языка (экспедиционный грант РГНФ № 02-04-18009е) и в пос. Красноселькуп тазовского диалекта селькупского языка Ямало-Ненецкого АО Тюменской области (грант РГНФ № 02-04-18019е).

на собственном прошлом опыте (сведения, извлекаемые из памяти)” (Якобсон 1972 (1957): 101). Термин *эвиденциальность* во многом сближается с категорией наклонения, как бы накладываясь на нее, и используется в двух смыслах.

С одной стороны, при употреблении термина *эвиденциальность* речь может идти о достоверных событиях, в которых принимают участие все коммуниканты, включая говорящего, их непосредственного очевидца и о средствах выражения. Результаты происходящего действия неоспоримы; однако в языке очень часто очевидность не выражается грамматически, и глагол, обозначающий это действие, во многих языках (в том числе, в уральских и в русском) употребляется в индикативе. В некоторых сибирских языках очевидность (эвиденциальность) грамматикализована, как, напр., в нанайском (Аврорин 1961: 114–118); в тувинском форма прошедшего времени на *-ды* в противопоставлении форме на *-ган* также развила значение очевидности (Черемисина, Ковган 1989: 11). Выявление всех тонкостей отношения говорящего к событию, очевидцем которого он является, в языках, где очевидность не грамматикализована, требует дальнейшей разработки, что не входит в задачи данной статьи.

С другой стороны, за термином эвиденциальность (засвидетельствованность) скрывается выражение неочевидности, недостоверности события, зафиксированного кем-то другим и ставшего известным впоследствии коммуниканту с чужих слов. Не являясь непосредственным участником события, говорящий сомневается в происшедшем. Наличие во многих языках опосредствованной засвидетельствованности (неочевидности, заглазости) позволяет выделять в рамках гиперкатегории эвиденциальности, учитывая разные источники информации и устанавливая субъективное отношение к ней говорящего, ее субкатегории (аудитив, адмиратив, латентив, ренарратив, дебитив, оптатив, квотатив, юссив и т.п.), нередко различающиеся терминологически, но во многом совпадающие по смыслу. Субкатегории опосредствованной эвиденциальности (неочевидности в широком смысле слова) могут быть выявлены по формальным глагольным показателям и по лексике определенного типа, часто сопутствующей этим глаголам. Грамматические показатели обычно вкпе с некоторыми лексемами (частицами, вводными словами, наречиями времени) маркируют источник информации (иногда только его) и / или отношение к нему говорящего (в том числе – очевидца, удивленного неожиданным результатом происходящего). В конечном счете в различных языках могут быть предложены разные инварианты неочевидности, в толковании которых (как и в используемой терминологии) не существует единогласия. Только что перечисленные и некоторые другие наклонения допускают „ряд альтернативных решений в трактовке тех или иных форм как форм разных наклонений или разных времен одного наклонения” (Хелимский 1994: 205). Сходные сомнения относительно однозначности определения категорий времени и наклонения в уральских языках (энецком, селькупском, нганасанском, ненецком, венгерском, эстонском и прочих), связанных с

очевидностью / неочевидностью, высказывали многие лингвисты, напр., Г. Н. Прокофьев (Прокофьев 1935), Н. М. Терещенко (Терещенко 1973), И. П. Сорокина (Сорокина 1975), Н. А. Козинцева (Козинцева 1994), Л. Хонти (Honti 2001), М. Эрелт (Erelt 2002), Х. Метсланг и К. Паюсалу (Metslang – Pajusalu 2002), П. Кехайов (Кехайов 2002), А. Кюннар (Künnap 2002) и др. Различные субкатегории неочевидности, упомянутые ранее, выделяются в зависимости от того, основываются ли они на буквальном пересказе чьих-то слов или на собственном выводе, базирующемся на чужих словах; лежит ли в основе их удивление, вызванное констатацией какого-то неожиданного факта, или неуверенность в исполнении того, что человек должен или хотел бы сделать, но не сделал, и т.д. Неочевидность данных категорий становится особенно очевидной при параллельном рассмотрении категорий времени и наклонения, образующих своеобразное единство: II прошедшее время, реализуемое в индикативе, существует в ряде финно-угорских языков и называется неочевидным прошедшим временем. По своей сути неочевидное прошедшее время индикатива и неочевидное наклонение, не выделяемое ни в одном из волжских и пермских языков, где это время имеется, можно рассматривать как кумулятивную категорию: за ней скрывается неочевидное наклонение и одновременно II прошедшее время индикатива.

Вопросы соотношения времени и наклонения с давних пор обсуждаются лингвистами, занимающимися самодийскими языками. Для энецкого языка была предложена гипотеза о существовании единой категории времени-наклонения (Сорокина 1975: 14–17). Сходные наблюдения в отношении категории неочевидности в самодийских языках можно найти и в работах Н. М. Терещенко (1973: 144–145; 1979: 219–220). В свое время Г. Н. Прокофьев (Прокофьев 1935: 66–67) относил повествовательное (или предположительное) прошедшее время в селькупском языке к наклонению точно с таким же названием (*narrativum*). По его словам, это время „служит для выражения таких действий, относительно которых можно предполагать (напр., по каким-либо сохранившимся признакам), что они имели место в более или менее отдаленном прошлом. Формами повествовательного прошедшего выражаются воспоминания (поскольку в них содержится оттенок некоторой неуверенности в констатации событий). На русский язык формы повествовательного прошедшего времени могут переводиться с помощью выражений 'видать', 'будто бы', 'должно быть', 'точно', 'кажется' и т.д.” (Прокофьев 1935: 67; Прокофьев 1937: 116). Повествовательное (иначе предположительное) наклонение Г. Н. Прокофьев называет иногда неочевидным наклонением или формой неочевидного (заочного) действия. Показатель повествовательного прошедшего времени индикатива *-mp-* и сложный показатель *-mmunt-* Г. Н. Прокофьев объединял как варианты прошедшего времени повествовательного наклонения, встречающиеся, судя по приводимым парадигмам (Прокофьев 1935: 71–76), только в формах 3 лица. Е. А. Хелимский (Очерки 238–243, 246) однозначно отнес формы на *-mmunt* к повествовательному прошедшему времени

латентива (наклонения из числа неочевидных), а формы на *-(m)p* – к повествовательному прошедшему времени индикатива, отвергнув, таким образом, предположение о вариативности суффиксов и разведя по разным наклонениям времени с этими суффиксами. В *Очерках по селькупскому языку*, материал которых собирался в 1970-е гг. в пос. Красноселькуп Ямало-Ненецкого национального округа, помещена полная парадигма спряжения глагола с показателем *-mtunt* (Очерки 1980: 260), но вариант 3Sg на *-mpanu* (*ilymmtuntu* // *ilympanu*) приведен лишь один раз. В контекстах все (за единственным исключением) глаголы на *-mtunt* встречаются в 3Sg и в основном в субъектном спряжении (Очерки 1980: 241–243). Между тем в 2002 г. в том же поселке Красноселькуп глаголы на *-mtunt* (в речи не очень частые), как и у Г.Н. Прокофьева, были зафиксированы только в форме 3Sg и 3Pl. Более того, носители языка говорили, что для первого лица этой формы и не может быть, поскольку про себя „человек все знает точно”. В некоторых случаях вместо формы на *-mtunt* употреблялась контаминированная форма с показателем *-mtumpra* (*sōcymmtummtunta* // *sōcymmtumpra: isēcary tymty okōt tytyk sōcymmtummtunta* / *sōcymmtumpra* 'в старину здесь давно кедр рос'), что в равной мере может служить примером плохого владения языком и свидетельством изменений, происшедших в языке за последние 30 лет. Хорошо знающие родной язык носители говорили, что форма на *-mtunt* 'старое слово'. В селькупском языке времена существуют в двух наклонениях – индикативе и латентиве. Среди уральских языков нет ни одного, в котором глаголы изменялись бы по временам во всех имеющихся в языке наклонениях, поэтому не исключена возможность существования еще одной субкатегории наклонения с показателем *-mtunt*, выделяемой на семантико-грамматической основе и не имеющей темпоральных противопоставлений. (Данное предположение требует, однако, дополнительного сбора материала). Возможна и другая трактовка приведенных фактов. В предложениях с глаголами на *-mtunt* наблюдается большая неопределенность происходящего, о чем говорящий узнал, не будучи очевидцем события (что обычно подчеркивается наличием неопределенного местоимения), большая неуверенность в предположениях, чем в случаях с употреблением глаголов в латентиве. Повествовательное прошедшее время, выделяемое в индикативе, не содержит в себе оттенка недоверности, но то же самое время в латентиве, усиливаясь за счет формы на *-mtunt*, представляет собой комбинированную категорию повествовательного прошедшего времени и неочевидного наклонения. В примерах с суффиксом *-mtunt* 'надмодальная' (в понимании Р. О. Якобсона) категория опосредствованной засвидетельствованности (иначе – неочевидности) привносит оттенок большей неуверенности в сообщение о чем-то, имевшем место в прошлом.

Процессы, касающиеся семантики грамматических категорий времени и наклонения в коми и селькупском языках, при значительном различии языков оказываются во многом сходными: II прошедшее (неочевидное) время индикатива

тива в коми (-зырянском) языке и так называемое повествовательное прошедшее время латентива в селькупском представляют собой кумулятивные категории неочевидного времени-наклонения. В коми языке лингвисты, следуя устоявшейся традиции, не выделяют в качестве самостоятельного особое неочевидное наклонение, рассматривая в пределах индикатива наряду с недостоверными значения глагола достоверные, очевидные, в связи с чем и возникает кумулятивность времени-наклонения.

В последние годы в пермистике все чаще обращают внимание при исследовании глагола на необходимость учета как морфологической, так и семантической структуры отдельного слова. Об этом говорит Е. А. Цыпанов, а еще раньше (1950) на это указывал А. С. Сидоров (Сидоров 1992: 90); в утверждении последнего сейчас можно внести коррективы. Так, А. С. Сидоров, рассматривавший вид и способы глагольного действия, к которым относится и результативность, с точки зрения синтаксических и лексико-семантических (точнее, логико-семантических) форм выражения глагольного вида в коми языке (Сидоров 1992: 91–93), обращал внимание на затруднительность употребления глаголов результативности с предельным падежом (Terminativ) и на легкость – в сочетании со вступительным (Illativ), а также на переосмысление самого понятия результативности некоторых глаголов (в частности, передающих начало действия, имеющих инхоативную совершаемость) в сочетании с местным падежом (Locativ). Но если результативность гипотетична, то следует говорить не о категории времени, а о категории неочевидного наклонения, когда говорящий судит обо всем только понаслышке, по результатам, полученным косвенным путем, а сам не является участником событий. Отсюда вытекает невозможность употребления 1 лица, что отмечается в глагольных парадигмах литературного языка (Баталова 1993: 224) и подчеркивается самими носителями языка, по крайней мере, печорского диалекта. В рамках этого наклонения выделяется синтетическое прошедшее время (завершенное время на *-öma*) и два аналитических – завершенное и незавершенное (в структуре суффиксов, маркирующих эту глагольную форму, присутствует элемент *-м* + вспомогательные глаголы *völi* или *völlis*: первый, по свидетельству носителей печорского диалекта, употребляется в том случае, когда описываемый факт имеет место в определенное время и достоверен, а второй – в случае передачи точной информации, но в давнее время. Суффикс *-л-* (*völlis*) может иметь значение временное или многократное. Е. А. Цыпанов указывает, что базовым, литературным суффиксом причастий, описываемых в коми грамматиках, является суффикс *-öm*, а в диалектах *-öma* (Цыпанов 1997: 127–128). Именно эти причастия – наиболее древние в коми языке – имеют общность с близкими формами родственных языков прежде всего по линии темпоральности. В структуре слова суффикс *-öma* есть и в причастиях, и в глаголах, но его употребление различно. Е. А. Цыпанов считает, что это суффикс дееспричастия (бывшего причастия) (Цыпанов 1998: 214), однако приведенный им

пример „Ыджыд мамыс дэляник, горбыльтчыштöма сулаліс...” ‘Бабушка маленькая, сгорбившись стояла...’ можно перевести ‘сгорбилась стояла’ (ср. аналогичный пример в (Цыпанов 1997: 148), в котором форму *лөгасьöмаёсь* во фразе *Пу улын сулалёны ныв да зон, лөгасьöмаёсь* можно интерпретировать не как ‘поссорившиеся’, а как ‘(вроде) поссорились’). Для разговорной речи весьма характерно использование глагольных сочетаний, образующих сложное целое, типа встречающихся в устной разновидности русского литературного языка сочетаний *сидит работает // работает сидит, стоит курит // курит стоит, идет распекает // распекает идет* и т.п. Встречаются подобные сочетания глаголов и в уральских языках, напр., в селькупском (*ätä qoyty to ütyty* ‘оленья нашел выпустил’). Приведенные примеры коми языка можно трактовать аналогичным образом. В таком случае здесь речь должна идти о 3Sg II прошедшего времени (так называемого неочевидного). Одновременно можно задать вопрос, когда и как употребляется это время. По мнению Е. А. Цыпанова, ‘данные коми диалектов говорят о том, что второе прошедшее время переживает стадию становления и развития’ (Цыпанов 1997: 140). В этой связи он поднимает вопрос о приемлемости для литературного языка диалектных форм типа *-öмны*, равнозначных показателю *-öмаёсь* (< *-öма* + показатель РІ *-ёсь*). Предложение автора включить в парадигму спряжения этого времени в литературном языке суффикс *-öмны* ориентировано лишь на формальный показатель, в котором присутствует суффикс причастия *-öм* + суффикс РІ *-ны* (Цыпанов 1997: 140–141). Между тем учет семантической стороны категории наклонения заставляет задуматься о том, войдет ли данная парадигма в состав индикатива или в состав одной из субкатегорий неочевидности. В печорском диалекте, испытывавшем влияние сысольского диалекта, где широко употребляется суффикс *-öмны*, мною были зафиксированы случаи подобных вариантов для 3РІ в глаголах со значением неочевидности: *Ми пукалöмны кысьöмаёсь* ‘Мы сидели вязали’ (автор высказывания как бы самоустраняется от участия в процессе, смотрит на происходящее со стороны; он твердо уверен в факте ‘посиделок’, но не уверен в том, что именно тогда делали – вязали ли, шили ли...); *Вöліс быгзьöма öдйö вöтлöмны да* ‘Лошадь взмылилась, бегом гнали потому что’ (здесь неясно, высказано предположение или утверждение очевидца). Расширенный контекст может внести уточнение в определение наклонения, но можно говорить в данном случае и о шкале переходности между индикативом и категорией неэвидентности (неочевидности). В предложении *Найö ...бытьö сёрнитчöмаёсь...* ‘Они как будто договорились...’ правильность трактовки глагола как формы прошедшего времени неочевидного наклонения подчеркивает слово *бытьö* ‘как будто’. Е. А. Цыпанов приводит примеры с функционированием форм на *-öма* иногда как причастий, а изредка как глаголов, передающих результат какого-то действия и вместе с тем непричастность к нему говорящего. Слова с данным суффиксом не только могут выступать в функции то причастия, то глагола, но и представлять

собой кумулятивную единицу со значением II прошедшего времени индикатива или неочевидного наклонения.

Напр., в предложении *пачёй ваймёма* 'печь догорела' речь может идти как о констатации факта (индикатив), так и о поразившем пришедшего результате (в этом втором случае засвидетельствовано удивление говорящего, неожиданный для него результат; семантическая зона наклонения будет не индикатив, а адмиратив). Аналогичный пример *Тшёкаам зёртусь кышкё ловёма // лоёма* 'На моей щеке бородавка появилась (= откуда-то, неожиданно)' демонстрирует удивление говорящего, свидетельствуя о возможной трактовке глагольного суффикса как оформления единой кумулятивной категории времени-наклонения. Можно выдвинуть и другую гипотезу: неочевидное наклонение, имеющее несколько сем, передается лишь одной формой времени, а категория II прошедшего времени 'обслуживает' два наклонения, создавая зону переходности. Во фразах *Батёй шуис мый пачёй ваймёма* 'Отец-мой сказал, что печь-моя догорела' и *Менам висталисны кёдкё адджылёма ошкёс* 'Мне рассказывали, кто-то видел медведя', мы имеем дело явно с разновидностью II прошедшего времени не индикатива, а неочевидного наклонения, которое часто называют пересказывательным, или квотативом, и где в показателе *-ёма* сопряжены сразу два значения: времени и наклонения. Информанты настойчиво говорили, что в 1Sg недопустимо употребление неочевидного прошедшего и отказывались переводить с данным суффиксом глагол в предложениях типа „Я во сне разговаривала (кажется), как сказала мне сестра“.

Точно так же носители печорского диалекта из с. Еремеево четко различают, когда употребляется форма *пемдiс* 'стемнело', а когда *пемдёма* '(оказывается) стемнело, смерклось'; *югдiс* 'рассвело', а *югдёма* '(оказывается) давно рассвело (а ты все еще спишь)'; *шондыыс сайалис // сайалёма* 'солнце скрылось'. Второй вариант обычно встречается в рассказах, в сказках. Интересно, что формы на *-ёма* достаточно часты в пословицах и поговорках, известных и в с. Еремеево, напр.: *Ытва некод на абу пыклёма* 'Половодье никто еще не удерживал'; *Мый этшиём гажтём, али табакыд бырёма?* 'Что такой грустный, или табак-твой вышел?' и др. В книге "Коми пословицы и поговорки" Ф. В. Плесовского (1983) они составляют более 3%.

Споры о том, что первично, а что вторично (время или наклонение), беспочвенны, и их результаты мало доказуемы. Сомнения на этот счет высказывал Б. А. Серебренников, который считал (в отличие от Е. А. Цыпанова), что неочевидное прошедшее время (по его терминологии – перфект) в коми языке – явление позднее (ОФУЯ 1976: 179–180). При наблюдающемся повсеместно размывании диалектов трудно установить, что на что влияло и когда именно. Важнее фиксировать сами современные явления и их изменения, чем восстанавливать исчезнувшее. В настоящее время в ижемском диалекте коми языка (как и в литературном удмуртском) имеются все три лица в двух числах во II прошед-

шем времени. По утверждению Е. А. Цыпанова, суффикс *-õма*, являвшийся первоначально составным (элемент *-а* считается адъективным показателем), не встречается лишь в язывском наречии, коми-пермяцком языке и в присыктывкарском диалекте (Цыпанов 1997: 129–132). Будучи по своему происхождению показателем причастия, сегодня данный суффикс сплошь и рядом встречается в предикативном употреблении. Более того, как показывает материал, собранный в печорском диалекте в говоре с. Еремеево, слова с суффиксом *-õма* функционируют исключительно в качестве глаголов, передающих неочевидные для коммуникантов действия и события. Это позволяет высказать предположение, что сам суффикс участвует в образовании категории неочевидного наклонения, а суффикс причастия употребляется без *-а*. Точнее можно говорить о единой категории времени-наклонения (времени прошедшего – наклонения неочевидного)².

При сравнении корреляции времени и наклонения в селькупском и коми языках бросается в глаза разница в подходе к одной и той же проблеме специалистов по самодистике и пермистике. Обращает на себя внимание два момента. В настоящее время при усиливающемся забвении языка молодым поколением селькупов далеко не все носители адекватно используют наклонения, которые могут быть отнесены к обширной области эвиденциальности. Четко функционирует латентив, в фольклорных текстах активно используется аудитив, конъюнктив и кондиционалис, реже обращаются носители языка к категории опатива и совсем мало – к категории дебитива. Зато в описаниях субкатегорий неочевидности лингвисты продвинулись значительно дальше, чем исследователи волжских и пермских языков, где сохранность языка (в том числе и в исследуемом говоре коми-зырянского) хорошая. Возможно, связано это с тем, что уже самые первые попытки построения грамматической системы селькупского языка велись в ином русле, чем это происходило у коми, с их ориентацией на русский язык. Именно поэтому то, что сейчас с трудом пробивает себе дорогу в описаниях интригующей многих категории эвиденциальности (засвидетельствованности) в пермских языках, значительно раньше было обнаружено для самодийских и обско-угорских языков. Что касается определения статуса эвиденциальности / засвидетельствованности, то вопрос остается нерешенным: будет ли это самостоятельная категория, разновидность категории наклонения или кумулятивная категория времени-наклонения? Сложившаяся в лингвистике ситуация требует значительных усилий для решения данного вопроса.

² В. И. Лыткин, говоря о пассивно-возвратном значении глагола (Лыткин 1995: 84–85), приводил пример *менам узсьõма* 'Я (оказывается) проспал', где намечается возможность говорить о кумуляции залога-наклонения или залога-времени. Е. А. Цыпанов, приводя данный пример из В. И. Лыткина, обходит молчанием факт указанных совпадений сем в глагольной форме (Цыпанов 2002: 67).

ЛИТЕРАТУРА

- Аврорин, В. А. 1961: *Грамматика нанайского языка*, Том 2, Москва – Ленинград
- Баталова, Р. М. 1993: Коми (-зырянский) язык, in *Языки мира*. Уральские языки, Москва, 214–229.
- Лыткин, В. И. 1995: *Коми кывлӧн историческӧй морфология*, Сыктывкар
- ОФУЯ 1976: *Основы финно-угорского языкознания*, Москва
- Очерки: Кузнецова, А. И. – Е. А. Хелимский – Е. В. Грушкина 1980: *Очерки по селькупскому языку*, Москва
- Плесовский, Ф. В. 1983: *Коми пословицы и поговорки*, Сыктывкар
- Прокофьев, Г. Н. 1935: *Селькупская грамматика*, Ленинград
- Прокофьев, Г. Н. 1937: Селькупский (остяко-самоедский) язык, in *Языки и письменность народов Севера*. Часть 1, Москва – Ленинград, 91–124.
- Сидоров, А. С. 1992: Синтаксические и лексико-семантические формы выражения глагольного вида в коми языке, in *Избранные статьи по коми языку*, Сыктывкар, 79–102.
- Сорокина, И. П. 1975: *Морфология глагола энецкого языка*. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук, Ленинград
- Терещенко, Н. М. 1973: *Синтаксис самодийских языков*, Ленинград
- Терещенко, Н. М. 1979: *Нганасанский язык*, Ленинград
- Усенкова, Э. В. 2002: Ренарратив в нганасанском языке, *LU* 38, 50–58.
- Усенкова, Э. В. 2000: *Средства выражения модальных значений в нганасанском языке в сопоставлении с селькупским языком*, Томск
- Хелимский, Е. А. 1994: Очерк морфонологии и словоизменительной морфологии нганасанского языка, in Хелимский, Е. А. (ред.) 1994: *Таймырский этнолингвистический сборник*. Вып. 1. Материалы по нганасанскому шаманству и языку, Москва, РГТУ, 190–221.
- Цыпанов, Е. А. 1997: *Причастие в коми языке: история, семантика, дистрибуция*, Екатеринбург
- Цыпанов, Е. А. 2002: *Грамматическая категория залога в коми глаголе*, Сыктывкар
- Цыпанов, Е. А. 1998: Лексико-грамматические разряды деепричастий, in *Коми язык*. Энциклопедия, Сыктывкар, 214–216.
- Черемисина, М. И. – Е. В. Ковган (сост.) 1989: *Хантыйский глагол*, Новосибирск
- Якобсон, Р. О. 1972: Шифтеры, глагольные категории и русский глагол, in *Принципы типологического анализа языков различного строя*, Москва, 95–113.
- Erelt, M. 2002: Evidentiality in Estonian and Some Other Languages. Introductory Remarks, *LU*, 38, 93–109.
- Erelt, M. 2002: Does Estonian Have the Jussive?, *LU* 38, 110–117.
- Honti, László 2001: Zusammengesetzte Vergangenheitstempora in einigen uralischen Sprachen, in *Volgan alueen kielikontaktit. Языковые контакты Поволжья*, Turku – Турку 16. -18.8.2001, 7–8.
- Kehayov, P. 2002: Typology of Grammaticalised Evidentiality in Bulgarian and Estonian, *LU* 38, 126–144.
- Künnap, A. 2002: On the Enets Evidential Suffixes, *LU* 38, 145–153.
- Metslang, H. – K. Pajusalu 2002: Evidentiality in Estonian, *LU* 38, 98–109.